

Е.А. Галинская

Изменение [а] в [е] в истории русских диалектов

Изменение [а] в [е] между мягкими согласными, произошедшее в восточной части севернорусских говоров, отражается, хотя и нечасто, в памятниках местной деловой письменности XVI—XVII вв. [Копосов, 2000: 62—64]. Точно восстановить время возникновения этого явления невозможно, так как мы не располагаем корпусом более ранних текстов, надежно локализуемых на русском северо-востоке. Однако есть возможность определить относительную хронологию данного изменения. Судя по всему, оно должно было осуществиться после отвердения шипящих <ш> и <ж>. На такой вывод наталкивает анализ записей, осуществленных в говорах Архангельской, Вологодской и Кировской областей (тексты приведены в хрестоматии [Рус. нар. говоры, 1991] и частично на прилагающейся к ней кассете). Из этих записей была сделана выборка материала, касающегося поведения <a> в позиции между согласными — как исконно мягкими, так и ставшими в истории языка мягкими перед гласными переднего ряда (в интересующем нас случае, в том числе перед *<е>, фонемой, реализовавшейся в восточнославянской языковой области в позднепраславянский период в звуке [ä], который не позже чем к X в. утратил ринезм). В результате оказалось, что эффект изменения [а] в [е] представлен, хотя и непоследовательно (что для нынешнего состояния говоров нормально), только между мягкими согласными так называемого вторичного смягчения и в том случае, если одним из мягких согласных, которые окружают гласный, является [j] либо шипящая аффриката [ч'] ([ц'] — при цоканье), тогда как после или перед [ш] и [ж] этого не наблюдается. Приведем выборку примеров из хрестоматии [Рус. нар. говоры, 1991]. В левых столбцах данных ниже таблиц содержатся словоформы с результатом изменения [а] в [е] под ударением в позиции между мягкими согласными; в правых — словоформы с сохранившимся [а] в ударной позиции между согласными, один из которых мягкий, а второй — [ш] или [ж].

Таким образом, в данных текстах не наблюдается ни одного случая отступления от предполагаемой закономерности: в соседстве с шипящими согласными [ш] и [ж] переход [а] в [е] не представлен.

Архангельская область

Текст № 2

(информант 1895 г. рожд.; запись 1966 г.)

<i>промышлѣть-то</i> (2 р.), <i>опѣть</i>	<i>побежѣли</i> (2 р.), <i>побяжѣли</i> , <i>прибязѣли</i> (2 р.), <i>прибежѣли</i> , <i>побэжѣли</i> , <i>убежѣли</i> (2 р.)
---	---

Текст № 4

(информант 1901 г. рожд.; запись 1982 г.)

<i>опѣть</i> (2 р.), <i>обѣть</i>	<i>шѣньги</i> , <i>шѣньга</i> и т.д. — в этом слове неоднократно
-----------------------------------	---

Тексты № 5, 6

(информант 1918 г. рожд.; запись 1982 г.)

<i>опѣть</i> (5 р.), <i>отвецѣют</i> , <i>срѣдютце</i> , <i>сѣдет</i> ¹	<i>кружѣютца</i> , <i>закружѣть</i> (инф.) ²
---	--

Текст № 10

(информант 1897 г. рожд.; запись 1965 г.)

<i>горѣцей водой</i> , <i>опѣть</i>	<i>перемѣшѣют</i> , <i>утерѣиш</i> ³
-------------------------------------	---

Тексты № 12, 13

(информант 1929 г. рожд.; запись 1987 г.)

<i>нарѣдят</i> , <i>нарѣдятцѣ</i> , <i>нарѣдица</i> (3 sg.), <i>примѣцѣли</i> , <i>опѣть</i> , <i>опѣдь брал</i>	<i>опояшем</i> , <i>пльѣшэм</i> , <i>наряжѣлися</i> (2 р.), <i>пльѣшот</i> , <i>опояшот</i> , <i>наряжѣлисе</i> , <i>нарежѣлисе</i> , <i>попльѣшем</i>
---	---

Вологодская область

Текст № 24

(информант 1906 г. рожд.; запись 1966 г.)

<i>боѣлись</i>	<i>смѣшѣет</i>
----------------	----------------

Текст № 25

(информант 1914 г. рожд.; запись 1986 г.)

<i>боѣтыцѣ</i> ⁴ , <i>опѣть</i> , <i>лѣгѣм</i>	<i>Яша</i> , <i>шѣйки тожо деревянны</i> ⁵
---	---

Костромская область

Тексты № 32, 34—38

(информант 1897 г. рожд.; запись 1962 г.)

<i>снарѣдим</i> , <i>меть</i> , <i>мѣли</i> , <i>ко прѣсьнициям</i> , <i>цѣсьти-ти</i> ('части'), <i>пѣтеро</i>	<i>жѣть</i> , <i>свѣжѣют</i>
--	------------------------------

Текст № 43

(информант 1890 г. рожд.; запись 1959 г.)

<i>поѣвятцѣ</i> , <i>поѣветыцѣ</i> (3 р.)	<i>зѣли</i> ('жали', прош. вр.)
---	---------------------------------

Обширный материал, связанный с результатами изменения [а] в [е] между мягкими согласными в вологодских говорах, приведен в работе М.Н. Преображенской [Преображенская, 1965]. Здесь перечисляются помимо прочего корневые лексемы, в которых наблюдается [е] между мягкими согласными: *грезь, дэда, петь, престь, прэник, зеть, кнезь, йейца, ненька, хозейка, хозейн, мёчик, чейник, взеть, йёсли, чейка, рёдит, нёлить, тёнень, говёдина* [Там же: 322]. Отдельно приводятся случаи с [е] на месте <а> перед группами согласных, в которых последние согласные предшествуют гласным переднего ряда или йоту: *те[л'ёт'н']ица, те[л'ёт'н']ик, поро[с'ёт'н']ица, поро[с'ёт'н']ики, цып[л'ёт'н']ица, жере[б'ёт'н']ица, коро[в'ёт'н']иков, [л'ёт'н']ица, п[р'ёт'н']ица, с[вёт'к']и, п[л'ёт'к']и, за[п'ёт'н']ица, за[п'ёт'н']ики, поз[р'ёт'н']ет, перег[р'ёт'н']исся, при[ч'ёт'н']е, пе[ч'ёт'н']ик, [йёт'н']еб, т[р'ёт'н']ет, [л'ёт'н']и, [з'ёт'н']ешь, [з'ёт'н']ет, [з'ёт'н']ем, о[з'ёт'н']и.*

В этом же списке, впрочем, находятся слова, которые заданным условиям не отвечают и должны быть отнесены к предыдущему списку (*коз[л'ёт'н']ной, коз[л'ёт'н']ица, у[т'ёт'н']ина, поро[с'ёт'н']ина, п[р'ёт'н']ица*), но для обсуждаемой в настоящей статье проблемы это дела не меняет — все приведенные выше многочисленные формы с гласным [е] на месте <а> демонстрируют результаты изменения [а] в [е] только в тех случаях, когда рядом не стоит ни [ш], ни [ж].

М.Н. Преображенская выделяет еще одну позицию, где на месте <а> между мягкими согласными звучит [е], — формы 3-го лица множественного числа возвратных глаголов II спряжения на *-ить* (эта позиция появляется вследствие того, что в постфиксе звучит [ц'ц'] или [т'т']). Среди приведенных примеров (*стре[м'ёт'н']ица, солга[с'ёт'н']ица, скоп[л'ёт'н']ица, покоп[р'ёт'н']ица, потру[д'ёт'н']ица* и др.) обнаруживается и форма *ло[ж'ёт'н']ица* с согласным [ж] перед [е] [Преображенская, 1965: 325]. Однако этот случай логично считать морфологически обусловленным, возникшим в результате выравнивания в произношении глагольных форм одного класса.

Впрочем, в русских северо-восточных диалектах можно найти единичные формы с [е] в соседстве с [ш] или [ж], которые морфологической аналогией не объясняются или применительно к которым морфологическая аналогия не столь очевидна. Так, в монографии «Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров» в разделе «Изменение гласного [а] после мягких согласных в [е] в положении перед последующими мягкими согласными», написанном А.И. Сологуб, приводятся два случая изменения [а] в [е] перед шипящими (твердыми в том вологодском говоре, где отмечены эти формы): *к[реш], раз[вёж]ется*, и говорится: «Эти факты могут свидетельствовать о том, что шипящие в говоре отвердели после завершения процесса изменения *а* в *е*». Далее, в списке слов, для которых лишь предполагается связь с фо-

нетическим чередованием [a]//[e], поскольку они распространены в разрозненных говорах и не занимают в своем распространении определенной территории, приводится форма *лише́й* [Образование..., 1970: 19].

Прежде чем обсуждать эти случаи, приведем материал севернорусских памятников XVI—XVII вв. — формы с отражением изменения [a] в [e], извлеченные из многочисленных текстов делового содержания Л.Ф. Копосовым: *всеких, на еица, Набечиным* (наряду с *Набячина*) [Копосов, 1967: 187; Копосов, 1971: 5—6], *взели, петь алтын, на дватцать на петь алтнъ, версть за пет^б, на пет шестои, за пет рублевъ, на пет алтын, опеть, принети и подписати, принѣти, а не впреть по вервѣ, рога впреть, договоръ впреть учинили, десят телетин, дедю своего родного, з дедю, дедя, хозеева, преникъ, преников, оловенникъ, через крутой крежъ, безъ реженои владѣть* [Копосов, 2000, 63—64].

Как видим, подавляющее большинство написаний отражает переход [a] в [e] в позиции между мягкими согласными, и лишь в двух последних случаях (*крежъ, безъ реженои*) буква е написана в соседстве с буквой ж. Таким образом, по данным современных диалектов и по материалам памятников деловой письменности XVI—XVII вв., набираются совершенно единичные случаи, не обусловленные очевидной морфологической аналогией, когда в соседстве с [e] на месте <a> находится шипящий согласный [ш] или [ж]: *креж, реженая, развежется, лишеи*. Однако все они могут быть тем или иным способом объяснены.

Начнем с написания *безъ реженои*. К переходу [a] в [e] оно, видимо, отношения не имеет, так как отражает безударную позицию корня. Акцентологическая реконструкция дает два варианта акцентовки: *без ряженой* (поскольку корень и суффикс *-ен-* исконно минусовые) или *без ряже́ной* (так как в ряде говоров суффикс *-ен-* был маркирован как правоударный, а окончание полных прилагательных и причастий обладало акцентологическим свойством ретракции, т.е. возвращало ударение на предыдущий правоударный морф) [Зализняк, 1985: 144—145].

Слово *кряж*, возводящееся к праслав. *kregjъ, имеет в русских диалектах разные значения: ‘толстый обрубок дерева из близкой к корню части дерева’; ‘цепь невысоких гор, возвышенное место, горка’; ‘крутой склон горы, скалы’; ‘высокий, обрывистый берег’; ‘спуск с горы’ и др. При этом огласовка с [e] и далее, возможно, с [o] представлена и за пределами современной зоны перехода [a] в [e], ср. олон., новг., пск., твер. *креж, крёж* [ЭССЯ, 12: 148]. Достаточно обширный материал, демонстрирующий употребление этого слова, представлен в [Новг. обл. сл., 4]. Здесь даны три варианта огласовки — *кряж, креж, криж* — и словоупотребление иллюстрируется разнообразными контекстами. Приведем те из

них, в которых зафиксированы огласовки *креж*, *криж*. Значение 'крутой берег реки, озера, ручья': *Креж крутой, крутой берег-то. На Мсты креж-то* (Новгородский р-н); *Подмывает креж-то и озеро приходит* (Шиманский р-н); *Крутой берег — креж. Высокий креж-то, за 3 километра видно* (Мстинский, Маловишерский, Окуловский р-ны). Значение 'высокое место, горка': *Криж-то — это горка, а потом пониже. Криж — невысокая гора* (Боровичский, Любыгинский р-ны). Значение 'спуск с горы': *Креж — место около полосы, где обычно растет трава* (Боровичский р-н); *Креж-то мы будем косить сейчас. Вдоль полосы узкое место, креж называется* (Мошенский р-н). Следует заметить, что во всех указанных значениях данное слово представлено и в огласовке *кряж*⁷.

Таким образом, известная разным диалектам форма *креж* не может служить доказательством того, что фонетический переход [а] в [е] под ударением осуществлялся перед шипящим [ж]. Скорее всего подобная огласовка (равно как и *криж*) вторичного происхождения, и возникла она под влиянием форм косвенных падежей единственного числа и форм множественного числа с ударением на окончании, где в корне произносится безударное [е] или [и].

При комментировании формы *развежется* целесообразно обратиться к «Общеславянскому лингвистическому атласу» [ОЛА, 2а], где картографировано распространение в славянских языках рефлексов формы 3 sg. praes. *vežetъ. Соответствующая карта (№ 13) показывает, что в подавляющем большинстве населенных пунктов севернорусской территории в этой форме звучит только [а]. Лишь в одном пункте (№ 590 — д. Михалева Белозерского р-на Вологодской обл.) записаны два варианта: '*v'ažot* и '*v'ežet*, а в п. 598 (с. Нечаевское Коношского р-на Архангельской обл.) зафиксирована форма '*v'ažet* с [а] передним. В комментарии же к карте № 13 атласа специально отмечено, что в пп. 590, 598 рефлекс «не-а» может быть объяснен выравниванием по безударному слогу. Такую трактовку допустимо отнести и к приведенной в монографии [Образование..., 1970] форме *развежется*, хотя неизвестно, не представляет ли она собой в том говоре, где была записана, вообще окказиональное употребление.

Нужно сказать, что в «Общеславянском лингвистическом атласе» картографированы и другие формы, где *ѣ находится в соседстве с шипящими согласными: *žędja (русск. *жажда* церковнослав. происхождения, исконно русск. *жажа*) — к. № 7; *žędъnъ (-jъ) (русск. *жаден*) — к. № 9; *težьkъ (-jъ) (русск. *тяжеск*) — к. № 15; *prędja (русск. *пряжа*) — к. № 37. Все они в русских говорах имеют рефлекс [а] < **ѣ*⁸. Лишь в одном населенном пункте, № 528 (д. Койда Мезенского р-на Архангельской обл.), зафиксирована одна форма с [е] на месте *ѣ: '*pr'ežа*. Однако вполне воз-

можно, что такая единичная огласовка появилась под влиянием однокоренного инфинитива *престь*, где переход [а] в [е] закономерен.

И наконец, остается слово *лишай*, но наличие в северо-восточных говорах огласовки *лише́й* при массовом отсутствии результатов перехода [а] в [е] в соседстве с шипящими [ш] и [ж], по-видимому, все же не может служить доказательством осуществления этого перехода в данной позиции как фонетического процесса, поскольку, как было сказано выше, форма *лише́й*, отмеченная в разрозненных говорах, не занимает в своем распространении определенной территории и лишь предположительно упоминается в связи с переходом [а] в [е]. Здесь, впрочем, можно допустить изменение под влиянием слов типа *репей*, *пырей*, *суховей*, *воробей*, *муравей*.

Таким образом, весь рассмотренный материал показывает, что процесс перехода [а] в [е] в северо-восточных русских говорах действительно шел после того, как отвердели шипящие [ш] и [ж], т.е. по крайней мере не раньше XIV в., поскольку только в XIV в. в ряде памятников восточнославянской письменности появляются первые указания на отверждение шипящих.

Итак, изменение [а] в [е] между мягкими согласными на русском северо-востоке нельзя отнести к древнерусскому периоду, но есть данные, свидетельствующие о том, что аналогичные или схожие явления имели место в раннюю эпоху в других восточнославянских диалектных областях, и поэтому целесообразно выяснить, развился ли переход [а] в [е] в северо-восточных диалектах самостоятельно или возник в результате влияния других говоров.

Изменение [а] в [е] между мягкими согласными было в той или иной степени свойственно древненовгородскому диалекту. Так, случаи его отражения в старейших новгородских памятниках (XI—XII вв.), относящихся к церковнославянской языковой сфере, были отмечены еще А.А. Соболевским. Наиболее надежные из приводимых им примеров таковы: *дивѣщяся* (Минея 1097 г.), *учещую* (Стихирарь XII в.), *болѣщимъ* (Путятина Минея XI в.). Имеются схожие написания и в более поздних памятниках (XII—XIV вв.), например *освящеють* (Новг. Кормчая ок. 1282 г.), *просѣщеють* (Требник Шереметева XIV в.) [Соболевский, 1907: 89]. Подтверждением показательности этих написаний служат данные не книжных текстов — новгородских берестяных грамот XIII—XV вв., причем количество отмеченных в них примеров с учетом относительно небольшой текстовой совокупности грамот следует признать не таким уж и малым. Ср.: *възьль* (в стандартной орфографии <възле>, Им. ед. муж. р., если это не описка) № 864, *Гюрѣтти...* (из *Гюрѣт-*) № 947, *воспрашееть* № 68, *сл кланею* № 344, *кололеюс* № 501 'кланяюсь', *попецелилес* № 167, *метель* 'плащ' (из *мѣтель*) № 418, *кюриѣскал* 'кирьяжская' № 248 (переход [а] в [е],

по мнению А.А. Зализняка, очевидно, произошел до утраты [ж'], т.е. до упрощения [ж'с] в [с]) [Зализняк, 2004: 74]. Заметим, что, судя по приведенным примерам, шипящие <ш> и <ж>, а также сложный (или долгий) глухой шипящий в древненовгородском диалекте нормально воздействовали на гласный как мягкие согласные.

В дальнейшем результаты перехода [а] в [е], судя по всему, подверглись в новгородских говорах нивелировке, во всяком случае в памятниках местной деловой письменности конца XVI — первой половины XVII в. отражение данного явления не обнаруживается. В частности, изучение достаточно большого корпуса скорописных памятников этого периода (трех книг хозяйственного содержания (РГАДА. Ф. 137. Оп. 1 (45. Новгород), № 13, 136, 32) и около 280 челобитных грамот (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1243. Стлб. 23458, 23459, 23460; Оп. 1245. Стлб. 42757, 42768, 42777а, 42788; Оп. 1246. Стлб. 34280, 43363, 43311)) позволило нам найти только одно написание, похожее на отражение изменения [’а] в [е]: <пустошь> *Климетино* ф. 137, оп. 1 (45. Новгород), № 32, л. 219. Однако это топоним, который образовался скорее всего в древности от известного новгородского имени *Климьята* (ср.: кь *Климѣтѣ* Новг. бер. гр. № 381 XII в.), т.е. в первой половине XVII в. огласовка *Климетино*, вероятно, была уже лексикализованной.

В настоящее время формы с [е] на месте [а] между мягкими согласными отмечаются в новгородских говорах лишь в единичных случаях в отдельных населенных пунктах [ДАРЯ I, карта 43], по-видимому, реликтивно.

Совершенно не отражается переход [а] в [е] и в рукописях, созданных в конце XVI — первой половине XVII в. на территории северо-восточной новгородской периферии, там, где расположены говоры, составляющие сейчас Ладого-Тихвинскую группу. Так, в обширном корпусе текстов этого периода, происходящих из Тихвинского Успенского и Александрова Свирского монастырей (было изучено 46 рукописных источников, хранящихся в архиве Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН, ф. 3 и 132, общим объемом около 3000 листов), не обнаружено ни одного надежного примера, который бы отражал изменение [а] в [е]. Найдены лишь написания типа *корѣлени*^н, по... *корѣленине*, которые непоказательны, ввиду того что суффиксы *-янин-* и *-ѣнин-* были вариативными [Соболевский, 1881: 55], и употребление суффикса *-ѣнин-* к области изменения [а] в [е] отношения не имеет [Булаховский, 1958: 166].

Можно думать, что если результаты перехода [а] в [е] в рукописных текстах совсем не отразились, то данное явление не было характерно для речи писцов, ведь оно принадлежит к такой группе фонетических диалектных черт, которые способны находить

проявление в памятниках письменности, и случаи фиксации результатов перехода [а] в [е] в рукописях известны (см. выше).

В настоящее время на территории Ладого-Тихвинской группы [е] на месте [а] в положении между мягкими согласными отмечается в единичных случаях в рассеянном распространении [ДАРЯ I, карта 43], т.е. опять-таки реликтивно.

Таким образом, мы констатируем, что древненовгородский диалект знал переход [а] в [е] между мягкими согласными, но в дальнейшем в новгородских говорах (в широком смысле слова) результаты этого перехода подверглись нивелировке.

Северо-восточные (вологодские) говоры, как известно, расположены на территории новгородской колонизации, однако, судя по данным лингвистической географии, они сравнительно рано потеряли связь с говорами новгородской метрополии и стали в достаточной степени обособленными, получая возможность собственного развития [Образование..., 1970: 286]. Видимо, изменение [а] в [е] между мягкими согласными, известное в древности новгородскому диалекту, до вологодских говоров не дошло, тем более что и на исконно новгородской территории (там, где сейчас расположены новгородские и ладого-тихвинские говоры) оно со временем затухло. В более же позднюю эпоху, уже после отвердения шипящих согласных, аналогичный процесс в говорах вологодского ареала развился самостоятельно.

В достаточно ранний период отражается изменение [а] в [е] не только в текстах новгородского происхождения, но и в псковских рукописях. Так, псковские памятники XIV—XV вв. знают написания с *ѣ* (*ѣ*) вместо *а* (*а*) в середине слова под ударением, причем не только после мягких согласных перед мягкими (имеются в виду и исконно мягкие), но и перед исконно твердыми согласными, например: *провѣщель*, *мѣдвеню* (Параклитик 1386 г.) [Соболевский, 1907: 88] *въпиѣше*, *смереяся* (Параклитик 1386 г.), *обнищеша* (Типогр. псалтырь XIV в. № 35), *всекъ* *ib.*, *исправленѣши* *ib.*, *избавлѣющую* *ib.*, *стрѣжеху* (Апостол 1309—1312) [Шахматов, 1893: 232], *послушение* (Палея 1494 г.) [Каринский, 1909: 16], *скорбѣщихъ* (Сборник Синод. библ. № $\frac{53}{255}$ XV в.) [Там же: 114], *чѣсъ* (Прилож. к Параклитику XV в.), *всѣку* *ib.* [Шахматов, 1909: 133] (написания с *ѣ* (*ѣ*) перед твердыми согласными подчеркнуты).

Таким образом, переход [а] в [е] в древнепсковском диалекте носил несколько иной характер, чем в древненовгородском диалекте. В дальнейшем под влиянием говоров центра, носители которых стали появляться в Псковской земле после того, как в XV в. Псков признал над собой верховное покровительство московского князя, а в 1510 г. был и вовсе присоединен к московским владениям, эта диалектная черта была утрачена. Во всяком случае скорописные тексты первой половины XVII в.⁹, в отличие от рукопи-

сей более раннего периода, изменения [а] в [е] после мягких согласных не отражают. В современных же псковских говорах результаты перехода [а] в [е] между мягкими согласными известны лишь в единичных случаях [ДАРЯ I, карта 49; Жуковская, 1988: 5].

Сходный по типу с псковским переход [а] в [е], видимо, был характерен и для смоленского диалекта на разных этапах его существования. В частности, в «Летописи Авраамки» XV в. (в приписке к этому памятнику сообщено, что летопись была переписана по повелению Смоленского епископа Иосифа писцом Авраамкой в Смоленске [Карский, 1899: 2]) есть написания: *печелемь* 435б, *держель* 275б, а в скорописных документах смоленской приказной избы, опубликованных в издании [Памятники обороны Смоленска..., 1912], находим следующие написания: *Веземской* текст № 141 (ср.: *Вяземской* текст № 261), *с пуговицы оловенными* текст № 101, *с пугвицы оловеными* текст № 224, *внучетом* (Д. мн.) текст № 241 (IV)¹⁰, причем в трех последних случаях [е] на месте [а] представлено в позиции перед твердыми согласными.

Эти факты согласуются и с современными диалектологическими данными. Так, в «Словаре смоленских говоров» фиксируются случаи замены [а] на [е] в корнях слов не только перед мягкими, но и перед твердыми согласными. Ср.:

Позиция перед мягкими согласными: *вглѣдѣть* ('усмотреть, уследить'), *вглѣдѣться* ('вглядеться'), *взглѣдѣть* ('усмотреть, уследить'), *вѣзенный* ('вязаный'), *везть* ('вязать') [ССГ, 2: 23, 26, 46], *дрень* [ССГ, 3: 142].

Позиция перед [ш] и [ж], которые в смоленском диалекте отвердели поздно, во всяком случае, в первой половине XVII в. они еще были, судя по показаниям памятников местной деловой письменности, мягкими [Галинская, 2002: 186—187]: *взглѣживать* ('наблюдать, следить') [ССГ, 2: 46], *двойнѣшки* ('приспособление для переноски кушанья в виде двух горшочков, скрепленных общей ручкой'; 'близнецы') [ССГ, 3: 107].

Позиция перед твердыми согласными: *дрѣнно*, *дрѣнный* [ССГ, 3: 142], *жѣбры* ('ребра' и 'жабры') [ССГ, 4: 16].

Говоря о генезисе специфического перехода [а] в [е] в древнепсковских и смоленских говорах, несколько отличного по условиям осуществления от аналогичного явления, характеризовавшего древненовгородский диалект (различие, напомним, состоит в том, что в древнепсковских и смоленских говорах [е] из [а] возможно и перед твердыми согласными), целесообразно обратиться к материалу других восточнославянских языков. Дело в том, что изменение [а] в [е] после мягких согласных не является специфически русской чертой. Этот процесс, проходивший как под ударением, так и в безударных слогах, известен юго-западным белорусским и западным украинским говорам, причем здесь качество последующего согласного роли не играет — [е] из

[’а] наблюдается и перед мягкими и перед твердыми согласными, т.е. обусловленность фонетического перехода однонаправленная и зависит от мягкости только предшествующего согласного.

Достаточно обширную подборку материала, извлеченного из ряда работ по белорусской и украинской диалектологии, находим в статье М.Н. Преображенской [Преображенская, 1980]. Приведем некоторые примеры перехода [’а] в [е] в ударном слого.

Белорусское Полесье

1. Перед твердыми согласными: *јéуды, ч’ес* (‘час’), *јéлова, т’éнут, д’éуч’эта, св’это, поправл’этис’а, нэрэвіэзуйеш, пйéты* (‘пятый’), *конопл’эны, бойéлыс’а, йéблоко, уз’éў* (‘взял’), *скл’énка, подр’éd, вс’éкы, үрédка, пйéны* и др.

2. Перед мягкими согласными: *заеждж’éўт, йéт’ол* (‘дятел’) [Преображенская, 1980: 158].

Волынско-полесские говоры украинского языка

1. Перед твердыми согласными: *розгон’éў, т’éгне, шч’енéта, червй’эк, пйéти* (‘пятый’), *вй’эже, ж’éба, тим ч’эсом, пр’эжа, пр’эла, стой’эў.*

2. Перед мягкими согласными: *зач’ин’эйе, дес’эти’на, з’ет’, пйéd’, гул’éйт, йéйц’а* и др. [Там же: 159].

Буковинские говоры украинского языка

1. Перед твердыми согласными: *нат’эгалі’е, шч’инéти, пйéто-го, мн’эсо, коч’эн, гонч’эр, р’ет, бур’эк, пр’эжа.*

2. Перед мягкими согласными: *ўз’эл’и, на з’эт’ах, йéйца* [Там же: 159].

Существенно, что среди юго-западных украинских говоров есть такие, в которых результаты изменения [а] в [е] представлены после [р], [ж], [ш], [ч] твердых [Там же: 162], т.е. этот переход осуществился в раннюю эпоху — до отвердения соответствующих согласных звуков.

По мнению Г.В. Шевелева, изменение [а] в [е] в украинских говорах — архаичный процесс, обусловленный тем, что артикуляция [е] как переднего гласного ближе к артикуляции мягкого согласного, чем артикуляция [а], и, таким образом, переход [’а] в [е] является частичной аккомодацией звука [а] предшествующему согласному [Shevelov, 1979: 546—547].

Можно предположить, что подобная аккомодация в древности была присуща в той или иной степени и другим восточнославянским диалектам западной зоны, хотя и не смежным с юго-западными белорусскими и западноукраинскими говорами. Речь идет о древнесмоленском и древнепсковском диалектах, где, как

было показано выше, существовал особый тип изменения [а] в [е], как раз близкий к западноукраинскому и юго-западнобелорусскому типу, т.е. там обязательным оказалось воздействие на гласный лишь одного смягченного согласного. В псковских говорах эта фонетическая особенность со временем нивелировалась, а в смоленских задержалась в ограниченном, впрочем, распространении дольше, дожив в реликтах до наших дней.

Что касается древненовгородского диалекта, то в нем сформировался другой тип изменения [а] в [е], обусловленный влиянием последующего мягкого согласного при мягком предшествующем согласном. В дальнейшем в говорах новгородского типа этот процесс затух и его результаты в целом нивелировались. Тот же тип изменения [а] в [е], что и в древненовгородском диалекте, развился на русском северо-востоке, но самостоятельно и позже — после отвердения шипящих [ш] и [ж]. Применительно к северо-восточным говорам можно определить еще одну хронологическую веху осуществления рассматриваемого фонетического перехода. Дело в том, что среди вологодских говоров есть такие, где имеются твердые и полумягкие согласные в соответствии с мягкими согласными (вторичного смягчения и бывшими палатальными сонорными), представленными в литературном языке и большинстве русских диалектов. Это говоры Биряковского и Харовского районов Вологодской области (см., напр. [Касаткин, 1999: 142—166]). В этих же говорах наблюдаются рефлексy изменения [а] в [е]: *взет, взет, прес* ('прясть'), *сет* ('сядь'), *м'ет, оставл'ет* и др. [Там же: 406]. Таким образом, можно заключить, что отверждение согласных произошло после перехода [а] в [е], и выстроить относительную хронологию трех фонетических процессов, протекавших в данных диалектах: 1) отверждение [ш], [ж]; 2) изменение [а] в [е] между мягкими согласными; 3) отверждение согласных перед гласными переднего ряда и в конце слова.

И наконец, задумаемся о том, насколько реально полагать, что в разных восточнославянских говорах аналогичные фонетические процессы могли происходить независимо друг от друга и неодновременно. Ведь предыдущие рассуждения привели нас к выводу о том, что изменение [а] в [е], обусловленное влиянием только предшествующего мягкого согласного, осуществилось в несмежных зонах: украинско-белорусской и псковско-смоленской (между ними лежат восточнoбелорусские говоры), а изменение [а] в [е], обусловленное влиянием обоих соседних согласных, произошло сначала в древненовгородском диалекте, а позже в вологодских говорах. По-видимому, это вполне возможно, поскольку в славянских системах вокализма нечто подобное бывало и в других случаях. Например, независимо друг от друга осуществили переход <ě> в <i> северо-западные русские говоры, украинские говоры, чешские диалекты и икавские говоры сербoхорват-

ского языка. В разных условиях протекал переход [e] в [o] в русском, украинском и польском языках. Так, в русском языке [e] изменилось в [o] перед любым твердым ко времени осуществления этого процесса согласным и после любого мягкого согласного, и происходило это после фонологизации отношений между палатализованными и непалатализованными согласными, после изменения старых палатальных [i'], [n'] в палатализованные звуки и после прояснения сильных редуцированных (ср. *n'ьсь* → *n'ес* → *n'ос*). В украинском языке [e] перешло в [o] перед твердыми, но только после исконно смягченных согласных (за редчайшими исключениями); в польском — после любых мягких, но лишь перед твердыми зубными согласными. Так что еще один процесс из области вокализма — переход [a] в [e] обоих типов — действительно мог происходить автономно в разных восточнославянских диалектах.

Примечания

- ¹ Впрочем, этот пример скорее непоказателен, так как подобная огласовка может быть связана с обобщением основы инфинитива и презенса (ср. *седу* в устах того же информанта). О формах данного слова см. [Преображенская, 1965: 323].
- ² Здесь же встречена форма *шбл-ти* (Им. мн. от «шалъ»), но, будучи, видимо, поздним заимствованием, данное слово вряд ли показательно.
- ³ Следует заметить, что время возникновения стяженной формы, в которой [a] оказалась уже не перед [j], а перед [ш], неизвестно.
- ⁴ В орфографической расшифровке текста, отсутствующего на кассете, дана форма *боетце* [Рус. нар. говоры, 1991: 96], а в комментарии к этому тексту она записана как *боѣтце* [Там же: 188].
- ⁵ *Шайка* — скорее всего тюркское заимствование, точное время появления которого в русском языке неизвестно.
- ⁶ В рукописи буква т — выносная (*ne^m*), после которой в конце слова ь в скорописи не употреблялся.
- ⁷ Что касается «Словаря русских народных говоров», то там разные огласовки интересующей нас лексемы сведены к различным заглавным словам, причем некоторые значения у них совпадают. Ср.: 1. **Креж** и **крѣж**... 2. Высокий обрывистый берег... 5. Возвышенность, покрытая смешанным лесом... 6. Глубокая впадина, яма на дне озера или реки [СРНГ, 15: 207]; 1. **Кряж**... 3. Крутой обрывистый берег реки или озера... 4. Возвышенность, покрытая лесом... 12. Глубокая впадина, яма на дне озера или реки [Там же: 362].
- ⁸ Впрочем, рефлекс [a] в прилагательном *žedъnъ (-ъ) непоказателен, поскольку на русской территории записаны только формы типа *žadnoj, где [d] — твердый согласный. Следует также отметить, что на карте № 37 *predja, возле ряда населенных пунктов, расположенных на территории русской северо-восточной диалектной зоны, стоит значок, обозначающий, что в данном корне представлен рефлекс [e], но здесь картографирован другой словообразовательный вариант: пп. 529, 546, 576, 577, 604, 648 — *pr'ed'eno*, пп. 536, 571 — *pr'ed'ino*, где [e] находится между вторично смягченными согласными.
- ⁹ Были исследованы псковская отдельная книга 1618—1623 гг. (599 л., РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. № 8455), черновые записи из псковской отказной и отдельной книги 1613—1658 гг. (всего 179 л., РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. № 8461) и 31 челобитная грамота 1626—1627 гг. (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1253. Стлб. 23349 и 23350).
- ¹⁰ Имеются также орфограммы *учел* текст № 205 (2 р.), *учела* (там же), *полехчела* текст № 174, но здесь реконструируется следующая акцентовка: *учел*, *учелá*, *полéхчела*.

Литература

Булаховский Л.А. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Киев, 1958.

Галинская Е.А. Историческая фонетика русских диалектов в лингвогеографическом аспекте. М., 2002.

ДАРЯ — Диалектологический атлас русского языка (Центр европейской части СССР). Вып. I. Фонетика. М., 1986.

Жуковская З.В. О вокализме псковских говоров // Псковские говоры в их прошлом и настоящем. Л., 1988. С. 5—15.

Зализняк А.А. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.

Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. Второе издание, переработанное с учетом материала находок 1995—2003 гг. М., 2004.

Кандаурова Т.Н. К истории древнепсковского диалекта XV века (О языке псковского Пролога 1383 г.) // Труды Ин-та языкознания АН СССР. М., 1957. Т. 8. С. 178—286.

Каринский Н.М. Язык Пскова и его области в XV веке. СПб., 1909.

Карский Е.Ф. Особенности письма и языка рукописного сборника XV века, именуемого летописью Авраамки // Варшавские университетские известия. 1899. № 3. С. 1—44.

Касаткин Л.Л. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М., 1999.

Копосов Л.Ф. Фонетика вологодских говоров XVI—XVII вв. (по данным местной письменности) // Учен. зап. Моск. обл. пед. ин-та. 1967. Т. 204. Вып. 14. С. 185—196.

Копосов Л.Ф. Вологодские говоры XVI—XVII вв. по данным местной деловой письменности: Фонетика и морфология: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1971.

Копосов Л.Ф. Севернорусская деловая письменность XVII—XVIII вв. (орфография, фонетика, морфология). М., 2000.

Новгородский областной словарь. Вып. 4. Новгород, 1999.

Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров (По материалам лингвистической географии) / Отв. ред. В.Г. Орлова. М., 1970.

Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая. Вып. 2а. Рефлексы *е. М., 1990.

Памятники обороны Смоленска 1609—1611 гг. / Под ред. и с предисл. Ю.В. Готье. М., 1912.

Преображенская М.Н. Чередование а//е как фонетическое явление в вологодских говорах // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1965. Т. XXIV. Вып. 4. С. 321—328.

Преображенская М.Н. Русское диалектное явление в восточнославянском аспекте. Произношение не-’а в соответствии с *е (ja, ’а) // Очерки по истории и диалектологии восточнославянских языков. М., 1980. С. 152—174.

Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия. Ч. 1: Севернорусские говоры. М.; Бохум, 1991.

Соболевский А.И. Исследования в области русской грамматики. Варшава, 1881.

Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка. М., 1907.

Словарь русских народных говоров. Вып. 15. Л., 1979.

Словарь смоленских говоров. Вып. 1—5. Смоленск, 1974—1988.

Шахматов А.А. Исследования в области русской фонетики. Варшава, 1893.

Шахматов А.А. Несколько заметок об языке псковских памятников XIV—XV веков // Журнал Министерства народного просвещения. 1909. № 7. С. 105—177.

Shevelov G.Y. A Historical Phonology of the Ukrainian Language. Heidelberg, 1979.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Т. 12. М., 1985.